

Глава 14. Искусство заговаривать зубы

В день, когда благовонные шарики Тичэнь наконец откопали, из-под земли уже струился тонкий, едва уловимый аромат. Ровный, умиротворяющий и мягкий, он окутывал нежным теплом. Стоило вдохнуть лишь малую его толику, как мысли прояснились, а на сердце воцарился покой, вытесняя любые заботы.

— Получилось? — Вэйшэн с волнением посмотрел на Цан Доушаня.

Тот поджег благовонный шарик, опустил его в курильницу и прикрыл крышку. Спустя мгновение из прорезей тонкой струйкой потянулся нежно-голубой дымок, устремляясь ввысь и плавно извиваясь в воздухе.

Аромат медленно разлился по комнате, и оба мастера невольно прикрыли глаза.

Благовоние Тичэнь полностью оправдывало свое имя — оно действительно очищало разум от мирской пыли.

Первая нота была свежей и терпкой, словно зеленые плоды дикой сливы или нежные листья молодого банана, еще не успевшие развернуться под теплыми струями весеннего дождя. Затем аромат потеплел, наполнился густым уютом — так пахнет пригретая осенним солнцем влажная земля, на которую осыпались перезрелые, сочные фрукты, уже тронутые сладким хмелем увядания. Шлейф же напоминал древний, благородный сандал, погребенный на дне лесного озера: он медленно зрел в темной воде, засыпая вечным сном под неспешный ход столетий.

— Великолепно, — выдохнул Цан Доушань, задувая тлеющую в курильнице искорку. На его лице отразилось глубокое удовлетворение. — Всё готово.

— Когда выдвигаешься?

— Прямо сейчас. Пойду один. У этого благовония слишком широкий радиус действия, так что в людных местах с ним нужно быть осторожнее. — Сложив шарики и курильницу в небольшой деревянный ящик, он закинул его за спину. — А ты оставайся, присмотри за лавкой.

Вэйшэн бросил взгляд за окно.

— Там капает. Возьми зонт.

— Ладно, — отозвался Цан Доушань.

Он взял зонт, вышел за порог Обители Бессмертного Чайника и раскрыл его над головой.

Вэйшэн выбежал следом, крикнув вдогонку:

— Возвращайся поскорее!

— Угу.

Сквозь пелену мелкого дождя стремительно проносились ласточки. В Переулке Цветочной Чашечки с каждым днем все отчетливее ощущалось дыхание весны — как, впрочем, и почти по всему округу Вэньцзинь. Природа пробуждалась, умытая теплыми ливнями.

Повсюду, кроме одного Богом забытого места.

Здесь, на самом грязном дне людского омута, опрятный Цан Доушань казался чужаком из иного мира. Проходивший мимо неряшливый мужик, толкавший перед собой груженную дровами тачку, намеренно вильнул в сторону и задел его. На белоснежном весеннем поле тут же расплылась уродливая угольная полоса. Сидевшие у дороги оборванцы — чумазные детишки, самозабвенно сосавшие пальцы, — разразились звонким, злорадным хохотом.

Цан Доушань даже бровью не повел. Он спокойно продолжил свой путь и вскоре остановился перед ветхой лачугой молодого темного практика. Обитатели за прошедшие месяцы слегка преобразились: по крайней мере, хлипкую дверь укрепили, а у самого порога соорудили подобие пологого деревянного пандуса.

Подойдя ближе, он трижды постучал.

Изнутри почти мгновенно отозвался резкий голос хозяина:

— Кого там принесло?

— Я принес лекарство, — невозмутимо ответил гость.

Дверь приоткрылась, и хозяин лачуги недоумевая высунулся наружу. Молокосос окинул нежданного визитера подозрительным взглядом, смерив его с ног до головы:

— Лекарство? И от чего же ты лечишь?

— От беспокойства ума, — вежливо улыбнулся Цан Доушань. — Помогает при буйном помешательстве и застарелом безумии.

Парень явно заинтересовался, хотя и пытался скрыть это.

— И сколько просишь?

— Одним снадобьем всех не исцелишь, — мягко пояснил Цан Доушань. — Сперва мне нужно взглянуть на больного, оценить тяжесть недуга, а уж потом подбирать нужные травы.

Юноша крепче вцепился в дверной косяк:

— Ты зубы-то мне не заговаривай. Скажи прямо: сколько обычно берешь за работу?

— Мой метод требует времени, — рассудительно произнес лекарь. — Потребуется три или пять сеансов, хотя и за них искоренить болезнь полностью вряд ли удастся. Но за один раз я беру тридцать восемь монет.

Парень на мгновение задумался, прикидывая что-то в уме:

— И надолго хватает одного раза?

— Всё зависит от жизненных сил больного и запущенности хвори. Коли использовать крепкий состав, покой продлится дольше, коли слабый — эффект сойдет на нет быстрее.

— А за крепкий состав платить придется больше? — тут же прищурился юноша.

Цан Доушань качнул головой:

— Вовсе нет. Плата фиксированная. Вы платите только за результат.

Это предложение окончательно развеяло сомнения хозяина. Он распахнул дверь шире:

— Заходи.

Ну надо же, сработало. Цан Доушань мысленно перевел дух. Стоило ему переступить порог, как он тут же заметил в полумраке фигуру Сунь Сюэдао, забившегося в самый угол. Старик сидел ссутулившись; седые волосы были аккуратно зачесаны назад, да и одежда выглядела чистой. Если бы не тяжелые железные цепи, сковывавшие его запястья, его запросто можно было принять за обычного благообразного дедушку.

Опустив деревянный ящик на пол, Цан Доушань спросил:

— Как он себя чувствует?

— Да вроде терпимо, — парень подошел к старику, присел рядом на корточки и негромко позвал: — Эй, старик? Слышишь меня?

Сунь Сюэдао медленно повернул голову. Его глаза были совершенно пустыми, лишенными хоть какой-то искры жизни. В тусклом дневном свете он казался еще более иссохшим, чем ночью, напоминая обтянутый кожей скелет, из которого тьма выпила последние соки.

— Вставай, старик, поговорить надо, — парень бережно взял его за руку, помог подняться и доковылять до колченогого стола.

Цан Доушань тем временем достал курильницу. С самым серьезным видом он обошел безумца кругом, совершая привычный ритуал: осмотрел зрачки, прислушался к дыханию, пощупал пульс. Сделав глубокомысленный вид, он уселся напротив, вытащил благовонный шарик, отщипнул кусок и, растерев его в порошок вместе с горстью каких-то безвредных сушеных травок для отвода глаз, бросил смесь на тлеющие угли.

Хозяин лачуги не сводил с него пристального, оценивающего взгляда. Под этим тяжелым взором Цан Доушань чувствовал себя не слишком уютно.

Пока благовоние только разгоралось, он решил завязать разговор, чтобы скрасить ожидание:

— Сколько лет вашему дедушке?

— Шестьдесят семь, — беззастенчиво соврал юноша. — Обычно он смирный, но как найдет на него стих — разъяренного быка с ног свалит. Силищи в нем немерено, так что ты, лекарь, снадобья не жалея, делай состав покрепче.

— Могу я узнать ваше имя? — поинтересовался Цан Доушань после недолгого молчания.

— Ху Лэ меня зовут. И давай без этих твоих благоглупостей, ладно? Говори попроще.

— Ху Лэ? Прекрасное имя. Означает отрешение от мирской суеты и обретение беззаботной легкости.

— Вечно вы, книжники, всё усложняете, — хмыкнул парень. — Имя как имя, нет в нем никакого тайного смысла. Просто когда я родился, мой старик сорвал знатный куш в кости. Вот и назвал меня Ху Лэ — на удачу, чтобы всегда выигрывать. Да только когда мне исполнилось девять, он продулся до нитки, даже штаны заложил, да и сбежал, бросив нас с матерью.

Он помрачнел, глядя в одну точку:

— Потом матушка преставилась, и меня колотили все кому не лень. А потом я подобрал его на улице. Он тогда как раз буянил — местным задирам головы в кровь расшиб...

Тем временем благовоние начало действовать. Старик постепенно расслабился, и его черты смягчились. Взгляд утратил дикую затравленность, уступая место блаженному покою, словно разум несчастного уносился в край сладких грез.

Цан Доушань, не переставая мысленно читать защитную мантру, понял: пора действовать. Он приблизился к Сунь Сюэдао и осторожно прощупал его энергетические каналы. Результат поверг его в шок: старик был абсолютно пуст.

Все восемь чудесных меридианов оказались полностью разрушены. В его теле по-прежнему дремала колоссальная мощь мастера ступени Вхождения в Дао, однако он лишился малейшей возможности ею воспользоваться. Это был запертый в собственном теле исполин.

Справившись с волнением, Цан Доушань достал кисть с киноварью, обмакнул ее в духовную тушь и быстрыми, выверенными движениями начертал на лбу Сунь Сюэдао Написание талисманов Сихэ. Затем он негромко запел заклинание Упокоения Души. Убедившись, что разум безумца окончательно затих, погрузившись в глубокий транс, он тихо спросил:

— Где твоя скрытая обитель?

Старик не мог говорить, но в ответ на вопрос лишь слабо притопнул ногой.

— Что случилось с твоими меридианами?

В то же мгновение умиротворенный Сунь Сюэдао вдруг исказился в судороге. Из его горла вырвался утробный, полный невыносимой муки хрип. Цан Доушань испугался, укоряя себя за излишнюю поспешность, однако старик вдруг резко вскочил на ноги и яростно рванул на себе ворот, в клочья разрывая ветхую рубаху.

Цан Доушань так и отшатнулся, едва не повалившись навзничь. Он в ужасе раскрыл глаза: прямо посреди груди безумца красовался идеально круглый шрам размером с ладонь. От этой темно-бурой отметины во все стороны расходилась паутина мертвых, почерневших сосудов, похожая на затаившегося в самом центре своей сети паука, опутавшего все тело старика.

Сунь Сюэдао резко развернулся спиной, и у Цан Доушаня перехватило дыхание, словно перед ним ударила молния: на лопатках зиял точно такой же след!

Рана была сквозной.

Какое-то ужасающее оружие — должно быть, тяжелое копье — пробило его тело насквозь. Оно не убило его на месте, но оставило неизлечимое увечье, до основания разрушив духовный источник. Лишенный возможности направлять свою колоссальную энергию, великий некогда мастер ступени Вхождения в Дао превратился в жалкого безумца, влачащего нищенское существование на задворках жизни.

— А-а! У-у! — дико завыл старик, беспорядочно размахивая руками. Он широко разевал рот, отчаянно пытаясь выдать хоть слово, но из его израненного горла вырывался лишь сухой, удушливый кашель.

Цан Доушань поспешно взял себя в руки и зашептал Мантру Поднимающейся Пыли. Спустя минуту Сунь Сюэдао вновь притих, он замер с потухшим, стеклянным взглядом.

Немного помедлив, лекарь задал следующий вопрос, взвешивая каждое слово:

— А что с твоим языком? Кто сотворил это?

Он старался действовать как можно осторожнее, но всё равно недооценил глубину травмы старого мастера.

Сунь Сюэдао взревел раненым зверем. Одним пинком он разнес тяжелый деревянный стол в щепки. Курильница с грохотом полетела на пол и разбилась; высвободившийся концентрированный аромат благовония мгновенно заполнил тесную каморку. У Цан Доушаня закружилась голова, ноги на миг стали ватными. Но на безумца этот дурманящий запах не оказал никакого влияния. Схватив обломок ножки стола, он с яростным криком бросился вперед. Удар сверху вниз был настолько сокрушительным, что мог бы рассечь взрослого мужчину надвое.

Превозмогая головокружение, Цан Доушань рванулся в сторону, уклоняясь от свистящего дерева, подхватил под мышку одурманенного благовонием Ху Лэ и единым махом выскочил за порог лачуги.

Сунь Сюэдао с воем выкатился следом, но у самого выхода натянувшаяся железная цепь дернула его назад, и он с размаху растянулся в грязи. Безумец тут же вскочил и принялся неистово колотить обломком ножки по оковам. Спустя пару секунд дерево превратилось в труху. Окрестные зеваки, шедшие по своим делам, в ужасе шарахнулись в стороны. Кто-то истошно завопил:

— Старик опять с цепи сорвался! Бегите!

Улицу как ветром сдуло — в мгновение ока вокруг не осталось ни души.

Оглядевшись в поисках чего-нибудь подходящего и не найдя никакого оружия, Цан Доушань

решил действовать голыми руками. Воспользовавшись тем, что старик увлеченно пытался разорвать оковы, он стремительно скользнул ему за спину и резким, точным ударом ладони в шею отправил его в глубокий обморок.

Тяжелый железный штырь, вбитый глубоко в землю, был выворочен почти наполовину. Если старик очнется и снова взбунтуется, никакие цепи его не удержат. Одолеваемый тревогой, Цан Доушань вернулся в разгромленную хижину и принялся лихорадочно рыться в вещах. К своему облегчению, он обнаружил несколько бумажных свертков с сухими травами. Понюхав содержимое, он удовлетворенно хмыкнул.

Поскольку приступы у старика случались регулярно, а средств для лечения не было, Ху Лэ спасался проверенным способом: у него всегда имелся приличный запас усыпляющего отвара мафэйсань. Стоило безумцу разбушеваться, как парень тут же заваривал снадобье и насильно вливал его деду в глотку.

Цан Доушань быстро развел огонь, вскипятил воду и приготовил густой отвар. Кое-как остудив его, он разжал челюсти бесчувственного Сунь Сюэдао и влил жидкость ему в рот.

Снадобье подействовало мгновенно. Сунь Сюэдао невнятно забормотал что-то сквозь сон, обмяк и окончательно затих.

Цан Доушань утер пот со лба и огляделся. В каморке царил полнейший разгром: обломки мебели, осколки глиняной курительницы... На полу валялись остатки драгоценных благовонных шариков Тичэнь. Оставлять плоды стольких трудов было жаль, поэтому он аккуратно собрал уцелевшие крохи и бережно завернул их в чистую тряпицу.

Теперь перед ним встала новая дилемма: что делать с этой парочкой?

Один — буйный сумасшедший под действием снотворного, второй — до сих пор пребывает в блаженном забытии из-за вдоха благовоний.

Поразмыслив, он решил погрузить обоих на ту самую тележку для дров и отвезти к себе, чтобы на месте решить их судьбу вместе с Вэйшэном.

Тем временем в Обители Бессмертного Чайника Вэйшэн увлеченно лепил хрустальные танъюань. Он любовно приготовил несколько видов сладкой начинки, тщательно подобрав вкусы и цвета. Напевая под нос веселый мотивчик, он аккуратно опустил круглые шарики в кипящую воду, накрыл котел тяжелой крышкой и подбросил в печь пару поленьев, ожидая, когда лакомство всплывет.

Шаги Цан Доушаня он узнал бы из тысячи.

— О, уже вернулся? Быстро ты! — весело крикнул он из кухни. — Я тут как раз танъюань варю, через минуту будут готовы!

— Оставь пока свои сладости, — донесся из коридора серьезный голос компаньона. — Тут дело не терпит отлагательств.

Вэйшэн приоткрыл крышку: тесто на шариках уже стало полупрозрачным, соблазнительно поблескивая в кипятке. Если сейчас уйти, они переварятся и превратятся в кашу.

— Сейчас, секунду! — отозвался он.

Конечно, это «сейчас» растянулось на добрых десять минут. Наконец Вэйшэн вышел в общий зал, бережно неся глубокую пиалу, от которой поднимался ароматный пар. Он сиял от гордости за кулинарный шедевр, но стоило ему увидеть развалившихся на лавках незваных гостей, как вся радость мгновенно испарилась.

— Это еще что за херня?! — воскликнул он, едва не выронив пиалу. — Кто эти оборванцы?

— Я же рассказывал тебе о них, — спокойно ответил Цан Доушань.

Вэйшэн сердито зыркнул на него и с грохотом водрузил пиалу на стол:

— Ты рассказывал, но не говорил, что притащишь их сюда! За каким чертом они нам сдались? Обитель Бессмертного Чайника — не приют для убогих, лишних ртов мы не потянем!

Цан Доушань недовольно нахмурился:

— Что за тон? Разве я говорил, что они будут сидеть на нашей шее без дела?

— Ну ладно, ладно, выкладывай: зачем они здесь? Они ведь темные практики, так? Тащить их в дом — это же верный способ накликать беду на наши головы!

Цан Доушань вкратце обрисовал ситуацию, напоминая, что из замолчавшего старого мастера со временем можно будет выведать бесценные сведения о его прошлом. А Ху Лэ, парень крепкий — его можно приставить к тяжелой работе по хозяйству.

Вэйшэн продолжал кривиться. Он еще долго ворчал, подсчитывая убытки, жаловался, что в этом месяце посетителей раз-два и обчелся, а казна пустеет быстрее, чем хотелось бы. Но в конце концов, тяжело вздохнув, нехотя уступил.

В этот момент Ху Лэ зашевелился и открыл глаза. Оглядевшись по сторонам, он окончательно

растерялся, вскочил на ноги и испуганно заорал:

— Где это я?!

— Чего разорался? — огрызнулся Вэйшэн. — Грабят тебя, что ли? Радоваться надо, тебе тут еще и платить будут!

Юноша стоял разинув рот, не в силах переварить услышанное. Цан Доушань поспешил вмешаться и, ловко мешая правду с вымыслом, принялся успокаивать парня. Спустя пару минут Ху Лэ, всё еще хлопая глазами, указал пальцем на Вэйшэна и шепотом спросил:

— То есть... он твой хозяин?

— Ну да, я у него в батраках, — съязвил услышавший это Вэйшэн. Он хмуро покосился на парочку, раздраженно мешая ложкой остывающие танъюань и прикидывая, во сколько обойдется содержание еще двух голодных ртов.

— Наш хозяин невероятно щедр, — заговорщически подмигнул парню Цан Доушань. — Он не против, чтобы ты работал здесь за приличную плату. К тому же он обещал полностью вылечить твоего деда. Подумай сам: если старик поправится прямо у нас на глазах, это станет лучшей рекламой для моего снадобья! Мне больше не придется бегать по улицам и стучать в закрытые двери. Ну как, по рукам?

Ху Лэ слушал его, раскрыв рот, и послушно кивал, хотя тень сомнения всё еще омрачала его лицо:

— А... угол для ночлега найдется?

— Конечно, — Цан Доушань прекрасно понимал, что бедняка заботит лишь крыша над головой да пропитание, поэтому поспешил развеять его страхи: — И трехразовое питание за счет заведения. Можешь не переживать.

— Ладно... А что конкретно мне нужно делать?

— Работы много, в основном тяжелой, но у нас уже есть пара толковых ребят, они всему тебя научат.

Пока они шушукались, терпение Вэйшэна окончательно лопнуло. Он с силой стукнул палочками по столу:

— Цан Доушань!

Тот удивленно обернулся:

— Что такое?

— Живо за стол, танъюань остынут! — Вэйшэн яростно затарабанил пальцами по столешнице, напустив на себя максимально грозный вид.

Ху Лэ уставился на пиалу со странным разноцветным лакомством, сияющим сквозь прозрачное тесто, словно драгоценные камни. Таких изысканных сластей он в своей нищей жизни отродясь не видывал.

И в этот момент у него в голове закралось смутное подозрение: кажется, отношения этих двоих выходили далеко за рамки «хозяина» и «слуги».

<http://bllate.org/book/18329/1790598>